

КВЕСТ 1 “Меня вот любить учили в Бутырках”

Помню, революцией я интересовался еще будучи в Грузии. Грузины распространяли всякую агитацию. Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи грузины. Я стал ненавидеть казаков. Помню первую революцию. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошёл. Хорошо. Вспоминаю живописно: в чёрном анархисты, в красном эсеры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты. 29 марта 1908 г. нарвался на засаду. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплёте. Пресненская часть. Охранка. Суцёвская часть. Следователь Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвинили в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктант. Писал: «социальдемократическая». Потом выпустили. Помогал организовать побег женщин-арестантов. Меня забрали. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец — Бутырки. Одиночка № 103.

*Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!*

*Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего, мол, стоят лучёнышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы — всё на свете.*

Персонажи:

Владимир Маяковский
Дети – революционеры

ЦЕЛЬ: Высвободить Маяковского

Игра – Словеска (приложение)

Вывод:

*За меня вступились товарищи по партии и меня отпустили из
тюрьмы. Это было третье, последнее заключение. В тюрьме я
впервые начал писать. В тюрьме пречел всё новейшее.
Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная
новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни.
Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое.
Оказалось так же про другое — нельзя. Вышло ходульно и
ревплаксиво. Что-то вроде:*

*В золото, в пурпур, леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.*

*Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при
выходе отобрали. А то б ещё напечатал! После тюрьмы бросил*

партию и сел учиться. Поступил в художественное училище и стал писать картины. Думалось — стихов писать не могу. Опыты плачевные. Работал хорошо. В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались. Как-то у меня вышло стихотворение. Вернее — куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сretenский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же вы сами написали! Да вы же гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушёл в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.